

МАЛУРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА.

Нѣжинскій уѣздъ.

Въ наше время, съ расширеніемъ изъ года въ годъ желѣзнодорожной сѣти и съ развитіемъ большихъ административныхъ центровъ, почти исчезли глухіе деревенскіе уголки, населеніе которыхъ росло, старилось и умирало, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе всѣ особенности своего быта. Легкость передвиженія съ мѣста на мѣсто и значительный спросъ на черно-рабочую силу въ городахъ, главнымъ образомъ, обусловливаютъ исчезновеніе этихъ особенностей потому, что съ возвращеніемъ домой ходившихъ въ отхожіе промыслы, въ самыя уединенныя поселки проникаютъ заимствованныя на чужой сторонѣ бытовые особенности. Съ каждымъ годомъ сельскій бытъ различныхъ мѣстностей Малороссіи пріобрѣтаетъ все болѣе единообразный характеръ, вслѣдствіе обмѣннаго позаимствованія. Эта нивеллировка касается какъ внутренней, такъ и внѣшней стороны жизни нашего села. Современному этнографу зачастую бываетъ нелегко отскоблить изъ-подъ амальгамы чуждыхъ вліяній характерныя національныя особенности населенія данной мѣстности, остатки типичной старины. Народное творчество, обычаи, обряды, домашній бытъ, одежда—все подверглось воздѣйствію неумолимаго рока, ломающаго, сглаживающаго и создающаго все новыя и новыя формы. Много этнографическаго матеріала спасено отъ гибели и сдѣлалось достояніемъ науки, благодаря усиліямъ трудолюбивыхъ собирателей, но нѣкоторыя старинныя особенности сельскаго быта остаются неизучен-

ными во всѣхъ подробностяхъ по недостатку собраннаго матеріала, а между тѣмъ время идетъ, и онѣ все болѣе исчезаютъ. Къ менѣе обследованнымъ сторонамъ сельскаго быта принадлежитъ и народная одежда, а между тѣмъ ея наиболѣе касается рука времени, вслѣдствіе сильнаго роста обрабатывающей промышленности и наводненія самыхъ глухихъ рынковъ ея продуктами. Было время, когда обыватели уединенныхъ малороссійскихъ хуторовъ ни за какія деньги не могли бы достать продуктовъ фабричнаго производства и поневолѣ довольствовались собственными издѣліями; теперь же нѣтъ ни одного самаго маленькаго мѣстечка, не говоря уже объ уѣздныхъ городахъ, гдѣ бы не было временныхъ „кравовъ“, во время ярмарокъ и базаровъ, а то и постоянныхъ, въ которыхъ можно достать дешевый, хотя и непрочный, матеріаль для одежды, а то и „готовое платье“. Это и обусловливаетъ главное отличіе современной сельской одежды отъ старинной: прежде весь необходимый для нея матеріаль изготовлялся дома, и хотя обходился, быть можетъ, дороже, если принять во вниманіе трудъ отдѣльнаго лица и отсутствіе раздѣленія труда, но за то былъ изумительно проченъ; теперь же все необходимое крестьянину предлагаютъ ему въ изобиліи и съ большимъ разнообразіемъ фабрики, дающія матеріаль, бьющій въ глаза, но непрочный.

Украинская народная одежда сравнительно подробно описана Головацкимъ и Чубинскимъ въ ихъ трудахъ—„о народной одеждѣ и убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверо-восточной Венгріи“ (Спб. 1877, и въ предисловіи къ I-му тому „народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси“ Москва, 1878) и въ VII т. ч. 2 „Трудовъ И. Г. О“. (Малоруссы Юго-западнаго края, стр. 412—433. Спб. 1873). Матеріалы для послѣдняго труда были собраны въ предѣлахъ Юго-западнаго края, отчасти на западной окраинѣ полтавской губерніи, и только четыре раза упоминается мелькомъ черниговская губернія (стр. 413, 422, 425, 428). Но, конечно, эти общія описанія одежды не дѣлаютъ излишними болѣе подробныхъ наблюденій во всѣхъ уголкахъ, гдѣ разселены Малоруссы, такъ какъ даже на сравнительно недалекихъ разстоя-

ніяхъ могутъ быть различныя особенности и неотмѣченныя подробности народной одежды.

Не задаваясь широкими задачами обработки всего собраннаго уже по интересующему насъ вопросу матеріала и собранія новыхъ данныхъ по всей обширной территоріи разселенія малорусскаго племени, мы хотимъ внести маленькую лепту въ общую сокровищницу изученія внѣшняго быта нашего села, ограничиваясь пока описаніемъ народной одежды на территоріи небольшой административной единицы нѣжинскаго уѣзда черниговской губерніи. Мы опишемъ современную одежду сельскаго населенія въ различныхъ мѣстностяхъ этого уѣзда и укажемъ затѣмъ на сохранившіяся по-нынѣ принадлежности старинной мѣстной одежды. Быть можетъ, наша попытка дастъ охоту и другимъ заняться тѣмъ-же.

Такъ какъ особенности народной одежды находятся въ зависимости отъ условій климатическихъ и почвенныхъ, а отсюда и отъ занятій жителей, то прежде всего мы приведемъ нѣкоторыя данныя объ этомъ, сдѣлавши извлеченія изъ „статистико-экономическаго описанія“ нѣжинскаго уѣзда, составленнаго въ 1880 году А. А. Русовымъ.

Нѣжинскій уѣздъ лежитъ между $50^{\circ},37\frac{1}{2}'$ и $51^{\circ},24'$ сѣверной широты и $49^{\circ}2'$ и $49^{\circ}55'$ восточной долготы. Уѣздъ, обмежаванный пограничными линіями, имѣетъ форму паралелограмма, болѣе длинныя стороны котораго тянутся съ СЗС. на ЮВЮ. Наибольшая длина уѣзда по діагонали этого паралелограмма, идущей отъ с. Хибаловки у р. Десны, чрезъ м. Веркѣвку, г. Нѣжинъ и м. Макѣвку—80 верстъ; ширина въ разныхъ мѣстахъ доходитъ до 40, 50 и даже 55 верстъ. Находится онъ въ южной части черниговской губерніи и окруженъ—козелецкимъ, черниговскимъ, сосницкимъ и борзенскимъ уѣздами этой губерніи, на югѣ же граничитъ съ полтавскою губернію (прилуцкимъ уѣздомъ).

Общій видъ мѣстности нѣжинскаго уѣзда разнообразится не столько повышеніями и пониженіями почвы, сколько болѣею или меньшею скуденностью лѣсной растительности и людскихъ построекъ. Если провести кривую линію съ востока на

западъ, начавъ ее отъ с. Заудайки, черезъ с. Андреевку, с. Дорогинку, с. Талалаевку и далѣе черезъ сѣверный край м. Носовки, то мы можемъ раздѣлить весь уѣздъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ большую, сѣверную, можно назвать *лѣсистою*, а южную—*степною*.—Сѣверная часть уѣзда представляетъ нѣсколько большее разнообразіе въ топографическомъ отношеніи и ее можно раздѣлить на нѣсколько мѣстностей, отличающихся другъ отъ друга въ этомъ отношеніи. Это будетъ два—три болѣе возвышенныя пространства земель, обращенныхъ въ распаханныя поля, и три—четыре площади низовъ, по большей части болотистыхъ и заросшихъ лѣсомъ. Въ южной части уѣзда, если исключить Заудайскіе лѣса, новрывающіе все пространство, принадлежащее нѣжинскому уѣзду за р. Удаемъ, ландшафтъ имѣетъ совершенно иной видъ: унылой степи, среди которой, проѣзжая цѣлыя десятки верстъ, вы не встрѣтите ни лѣса, ни холмистой поверхности, ни рѣчки. Пейзажъ разнообразится только кучами вербъ, обозначающими положеніе того или другаго поселенія, да *журавлями* у колодезь, которыхъ на всемъ пространствѣ уѣзда на югъ отъ м. Носовки, с. Володьковой Дѣвицы и с. Безугловки, можно считать болѣе ста. Самый видъ поселеній въ южной части нѣсколько иной: заборовъ и плетней, отдѣляющихъ усадьбы, а иногда и *моляки* сель сѣверной части уѣзда, здѣсь уже почти не видно. *Коворотовъ*, т. е. воротъ, которыми запираются выходные улицы изъ села для охраненія полей отъ свиней и другихъ домашнихъ животныхъ, нѣтъ и помину. Границею одного двора отъ другаго въ такихъ удаленныхъ отъ лѣсовъ мѣстностяхъ, какъ с. Лосиновка, с. Шатура и д. Калиновка, служатъ канавки съ насыпями около нихъ, на которыхъ часто нѣтъ даже и посаженныхъ вербъ; насыпи эти въ Лосиновкѣ, напримѣръ, обкладываются нѣсколькими слоями навоза и истлѣвшей соломѣ, которые замѣняютъ огорожу. Самыя постройки значительно хуже, такъ какъ онѣ дѣлаются тутъ, за недостаткомъ хорошаго строеваго лѣса, и изъ вербъ, и изъ очерету.

Что касается состава почвы уѣзда, то по составу и свойствамъ своимъ она представляетъ гораздо болѣе разнообразіа,

чѣмъ по формѣ поверхности. На пространствѣ уѣзда можно встрѣтить всевозможныя почвы, отъ летучаго песку до твердаго глинистаго чернозему. Черноземъ не имѣетъ повсюду однихъ и тѣхъ-же свойствъ, и его можно подраздѣлить на два сорта: 1) глинистый вязкій или *тучный черноземъ*, по цвѣту темный, съ небольшою примѣскою кремнистыхъ частицъ и 2) болѣе песчаный, рыхлый, *обыкновенный черноземъ*, по цвѣту нѣсколько болѣе свѣтлый или сѣрый; что же касается сѣрой земли, то она можетъ быть подраздѣлена на 1) *стропесчаную* или супесчаную землю, въ основѣ песчанаго происхожденія, но съ большимъ запасомъ чернозема, 2) *чистопесчаную* съ незначительнымъ количествомъ перегноя и, наконецъ, 3) черноземно-сумлинистую почву, встрѣчающуюся въ сѣверной части уѣзда.

Различное качество позволяетъ воздѣлывать различныя сельско-хозяйственныя растенія. На унавоженныхъ поляхъ на всемъ пространствѣ уѣзда сѣютъ коноплю, ячмень, просо, рожь, рапсъ, табакъ, картофель, фасоль, лукъ, ленъ, иногда пшеницу, и безъ навоза, преимущественно въ южной части уѣзда, рожь.

Естественныя условія мѣстности, занимаемой Нѣжинскимъ уѣздомъ, обусловливаютъ занятія ея обитателей. Главнымъ средствомъ для существованія жителей уѣзда служить земледѣльческая промышленность въ разныхъ ея видахъ. Охотничьи рыболовные, лѣсные, и болѣе оспеціализированные, такъ называемые, „кустарные“, промыслы составляютъ исключеніе. Изъ занятій, которыя въ силу мѣстныхъ условій захватываютъ сравнительно большія массы населенія, можно назвать еще пожалуй рыболовство, распилку лѣсныхъ матеріаловъ, плотническое ремесло, колесничество, плетеніе изъ лозы и соломы, собраніе *муравьиныхъ подушекъ*, гуртоправство и извозъ. Кромѣ названныхъ занятій, есть, конечно, и представители многихъ другихъ формъ перерабатывающей промышленности въ видѣ *одинокыхъ ремесленниковъ*. Если классифицировать сельскія ремесла по большей или меньшей необходимости того или другаго ремесла для домашняго быта, то, конечно, на первомъ мѣстѣ будутъ стоять плотники и кровельщики, ткачи и портные, бушніры и

шаповалы, чимбары и сапожники, линники и горшечники, бондари, колесники и вузнецы; затѣмъ уже пойдутъ печники и колодезники, столяры, рѣзчики разнаго рода, какъ напримѣръ: ложечники, образники и бердники, лимари, слесари и мѣдники, наконецъ, набойщики и красильщики, булочники и мясники, шорники и живописцы.

Кромѣ того, несмотря на значительное плодородіе почвы уѣзда и на довольно значительное развитіе земледѣльческой и перерабатывающей промышленности, все таки извѣстная часть населенія уѣзда ищетъ себѣ заработковъ на сторонѣ въ *отхожихъ промыслахъ*. На далекіе заработки „въ Таврію“, т. е. въ южныя губерніи, и „на Донъ“, отчасти на сахарные заводы кievской и подольской губерній, идутъ больше всего изъ сѣверной части уѣзда. Изъ поселеній степной части вообще уходятъ мало, хотя изъ м. Макіевки, с. Ровчака, д. Степановки, д. Татаровки и др. почему-то любятъ отпрапляться въ Кіевъ, гдѣ приискиваютъ себѣ мѣста дворниковъ, водовозовъ, кучеровъ и поваровъ.

Разспросы во всѣхъ большихъ поселеніяхъ нѣжинскаго уѣзда, съ попыткою опредѣлить цифрою число тѣхъ или другихъ ремесленниковъ, показали, что въ сельскомъ населеніи больше всего рукъ мѣстныхъ жителей занимаютъ ремесла плотницкое, кравецкое (портняжное) и шведское (сапожное). Чимбарей и кушнировъ, несмотря на сильно развитое овцеводство, составляющее для жителей с. Липова Рога и с. Березанки предметъ особаго барышничества, въ уѣздѣ почти нѣтъ. Чинятъ овечьи шкурки вездѣ почти находіе изъ калужской и тульской (въ м. Мринѣ) губерній ремесленники, поселяющіеся на зиму въ извѣстныхъ населенію пунктахъ. Нѣтъ также и горшечниковъ, за отсутствіемъ глины, годной для подѣлокъ. Сукна валить жители нѣжинскаго уѣзда отдаютъ по „цуркамъ“ на валушни переяславскаго уѣзда, расположенныя по Днѣпру, кожи—„по биркамъ“ въ Нѣжинѣ и другія мѣста. Южная часть уѣзда всѣ деревянные подѣлки покупаетъ или въ городѣ, или на ярмаркахъ, на которыя лопаты, бочки, берда, гребни, решета, иконы и т. п. привозятъ изъ сосницкаго и чернигов-

скаго уѣздовъ. Въ послѣдніе годы, съ усиленіемъ привоза фабричныхъ произведеній,—ситцы, пояса, картузы, ремни, гребни, керосинъ и др. предметы домашняго обихода стали входить въ большее употребленіе у населенія. Покупая ихъ въ Нѣжинѣ и на ярмаркахъ, оно еще болѣе оспеціализировалось на главномъ своемъ занятіи—земледѣліи и скотоводствѣ. Въ виду этого бытъ населенія нѣжинскаго уѣзда можно назвать по преимуществу земледѣльческимъ. Примѣнительно къ особенностямъ этого быта, одежда сельскаго населенія нѣжинскаго уѣзда, широкая—грубая, считая частью изъ продуктовъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго производства, частью изъ покушнаго.

Мы сдѣлаемъ попытку описать во всѣхъ подробностяхъ эту одежду по личнымъ наблюденіямъ въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда, а также по доставленнымъ намъ нѣкоторыми представителями мѣстной интеллигенціи описаніямъ мѣстной одежды въ с. Смолянѣ, с. Дроздовкѣ, с. Дремайловкѣ (сѣверъ), м. Веркiевкѣ, м. Мринѣ, с. Талалаевкѣ (середина), с. Лосиновкѣ и м. Монастырицѣ (югъ). Сначала мы опишемъ части одежды, сперва мужской, потомъ женской, общія различнымъ мѣстностямъ уѣзда, какъ по покрою, такъ и по матеріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы, отмѣтивши нѣкоторыя особенности одежды сѣверной и южной части уѣзда, и затѣмъ укажемъ сохранившіяся принадлежности старинной одежды, а также случаи вліянія городскаго костюма на сельскій.

Во всемъ уѣздѣ мужчины носятъ короткія сорочки изъ грубаго неньковаго или льнянаго холста собственнаго издѣлія, съ отложнымъ воротникомъ, пришитымъ къ сборкамъ, который обыкновенно подвязываютъ пестрымъ ситцевымъ платкомъ или же гаруснымъ шарфомъ. Иногда украшаютъ обшлага рукавовъ и наплечья *мережками*, а *комляръ* (воротникъ) вышиваютъ *запольшю* по узорамъ, называемымъ *сухарики*, *заступци*, *сливки*, *гапличекъ*, *гусяче око*, *макивки*, *карточки* и т. п. Сорочка обыкновенно запускается въ широчайшіе шаровары съ *матней* въ ходу ниже колѣнъ и *крисломъ* (прорѣхой) сзади изъ набиваннаго въ клѣточки или въ полоски домашняго полотна, *выбойки*, *крашенины*—для будней, и изъ фабричныхъ матерій—для празд-

никовъ, стянутые на поясницѣ или поясомъ, или въ сборки на *очкуръ*, продѣтый въ зарубленный верхній край шароваръ; впрочемъ въ послѣднее время стали носить и по буднямъ *набираемые* (изъ покупной матеріи) шаровары—черные, сѣрые, коричневые, въ особенности молодежь. Поверхъ сорочки надѣваютъ обыкновенно жилетъ изъ покупной матеріи или сукна, преимущественно синяго, со стоячимъ воротникомъ и съ металлическими пуговицами до самой шеи. Зимой жилетъ часто замѣняютъ *куфайкой*, т. е. жилетомъ съ рукавами изъ *шведской матеріи, бумази, чертовой кожи*, съ металлическими пуговицами, или безрукавкой, сшитой въ талію, со сборками при таліи.

Верхней одеждой служатъ свитка, чимерка, коужухъ и кирея.

Свитка и чимерка имѣютъ одинаковый покрой въ талію съ густо-собранными сборками при поясницѣ, со стоячими воротниками и застежками до верху; только свитка дѣлается изъ домашняго сукна, чернаго, коричневаго и сѣраго, а чимерка изъ черкасины. Коужухи шьются изъ бѣлыхъ недубленыхъ овчинъ домашней чиньбы съ небольшими стоячими барашковыми воротниками и съ обшитыми барашкомъ рукавами и карманами, *до усовъ* и *до толбы*. Коужухъ *до усовъ* шьется съ двумя складками сзади, съ боковъ у поясицы, *до толбы*—съ едва замѣтнымъ перехватомъ, въ талію, но безъ складокъ. Болѣе состоятельные имѣютъ коужухи для праздниковъ, покрытые или черкасиномъ, или синимъ сукномъ. Кирея, *кобинякъ*, или широкій армякъ не въ талію, охабень, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ или съ *кобкой, богородицей*, шьется изъ толстаго домашняго сукна и надѣвается поверхъ коужуха или свитки.

Верхняя одежда опоясывается обыкновенно полушерстянымъ поясомъ. Поясъ покупной, цвѣта преимущественно краснаго или зеленаго.

Обувью служатъ *чоботы* изъ *юхты* и *шкапыны*, широкіе, съ *пидборами* (каблуки), густо подбитыми большими желѣзными гвоздями. Покупается только *товаръ*, а шьютъ дома мѣстные

шевци. Въ сѣверной части уѣзда, кромѣ того, лѣтомъ носятъ *постолы*, или лапти, плетеные изъ липоваго лыка.

Большую часть года мужчины носятъ теплыя цилиндрическія невысокія шапки изъ шкуркъ ягнятъ, подбитыя иногда козьимъ мѣхомъ или просто ватой на стеганой подкладкѣ, но сами не шьютъ, а покупаютъ готовыя въ лавкахъ, лѣтомъ носятъ преимущественно войлочные и соломенные *брыли* (круглыя шляпы съ широкими полями и закругленными тульями) собственнаго издѣлія, а въ сѣверной части уѣзда, кромѣ того, *яломки*, имѣющіе форму усѣченного конуса, изъ толстаго коричневаго домашняго войлока, съ двойными бѣлыми войлочными же покупными тульями. Изрѣдка попадаетъ и картузь, въ особенности среди молодежи.

Въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ сѣверной части уѣзда (с. Смолянка, с. Орловка, с. Стодолы) сохранилась старинная верхняя одежда *жупанъ*, изъ болѣе тонкаго чернаго сукна, имѣющій форму сюртука, но только съ нѣсколькими складками сзади у поясицы. Въ м. Веркѣевкѣ замѣчается нѣкоторое возвращеніе къ старинѣ—вмѣсто сорочекъ съ отложными воротниками, пришитыми къ сборкамъ, начинаютъ опять носить сорочки съ маленькими стоячими воротниками, пришитыми къ гладкой спинѣ, вышитыми у *парубковъ* собственноручно заполочью и чернымъ шелкомъ. Въ южной части уѣзда (м. Монастырище, с. Галица) до семидесятыхъ годовъ мужчины носили лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, длинныя до пятокъ сорочки, а мальчики до 15 лѣтъ все лѣто ходили въ однихъ длинныхъ сорочкахъ безъ шароваръ; кромѣ того, кобиныкъ былъ обязательной принадлежностью повседневной одежды круглый годъ; парубокъ не смѣлъ являться на улицу безъ кобиныка. Въ с. Лосиновкѣ сохранилось отъ старины оригинальное завязываніе шеи *хусткой* изъ бѣлаго, тонкаго льнянаго самодѣльнаго холста съ протканными продольными полосками изъ красной бумаги, которой повязываютъ шею поверхъ свитки или кожуха всѣ мужчины, начиная съ подростковъ.

Что касается вліянія городского костюма на сельскій, то оно особенно замѣчается въ поселеніяхъ, расположенныхъ на

почтовомъ трактѣ между г. Черниговомъ и г. Нѣжиномъ: появился „спинжакъ“, который шьется изъ бумажной, сѣрой или черной матеріи и носится преимущественно лѣтомъ, какъ болѣе легкая одежда при полевыхъ работахъ; пойти же въ пиджакъ въ церковь или въ общественное собраніе, или явиться къ кому нибудь изъ начальства считается неприличнымъ.

Женская одежда значительно разнообразнѣе мужеской. Она также изготовляется частью изъ домашнихъ издѣлій, но, главнымъ образомъ, изъ покупнаго матеріала. Держась прежняго порядка, мы опишемъ современную женскую одежду, съ указаніемъ на нѣкоторыя различія въ сѣверной и южной части уѣзда, а затѣмъ отмѣтимъ сохранившіяся части старинной одежды, а также случаи вліянія города на село.

Женщины носятъ длинныя ниже колѣнъ сорочки изъ домашняго полотна, покрой которыхъ очень простъ: два длинные отрѣзка полотна спиваются по бокамъ, сверху по краямъ пришиваются *полики* (наплечья) изъ прямоугольныхъ кусковъ и потомъ вшиваются сборчатые рукава, въ праздничныхъ сорочкахъ изъ покупнаго полотна; образовавшійся широкій прямоугольный вырѣзъ для ворота собирается по краямъ въ сборки и обшивается узкой вышитой полоской полотна или простой лавочной тесьмой. Рукава и полики всегда расшиты, а въ болѣе нарядныхъ сорочкахъ и *померезаны*. Вышивка дѣлается безъ канвы, прямо по полотну, преимущественно бѣлыми нитками гладью, иногда и красными. Работа вышивокъ очень тонкая и красивая. Узоры своеобразные малорусскіе, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ прямыхъ линій. Рукавъ возлѣ плеча обыкновенно вышивается поперекъ какимъ-нибудь широкимъ узоромъ, а отъ него идутъ вышитыя полосы вдоль рукава, иногда же этихъ послѣднихъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ вышиваются отдѣльные небольшіе разбросанные по рукаву рисунки, преимущественно цвѣтовъ, ягодъ и т. п. Узоры *мережки* очень разнообразны—*метеликъ, прутикъ, двоюгольная, троюгольная* и т. д.; но въ нихъ такъ-же, какъ и въ вышивкахъ, преобладаютъ прямыя линіи. Подоль (*подолки*) сорочки бываютъ всегда померезаны.

Поверхъ сорочки въ будни подвязывается *запаска*, состоящая изъ двухъ прямоугольныхъ кусковъ шерстяной матеріи собственнаго издѣлія, сзади чернаго цвѣта, спереди синяго. Задній кусокъ имѣетъ около одного аршина длины и около трехъ-четвертей аршина ширины, передній нѣсколько короче и уже. Куски эти плотно облегаютъ тѣло и стягиваются на поясицѣ краснымъ гаруснымъ самодѣльнымъ поясомъ. Въ праздники подвязывается *плахта*, состоящая или изъ узкой полосы толстой шерстяной ткани шириною въ $\frac{1}{2}$ аршина, длиною около 5 аршинъ, перегнутой вдвое и сшитой съ одного краю отъ сгиба до половины, приче́мъ несшитые концы поднимаютъ и подтыкаютъ подъ поясъ, или изъ одного куска шириною около одного-аршина, длиною около 4 аршинъ, разрѣзаннаго съ одного конца до половины и тоже перегнутаго вдвое, такъ что книзу опускается три конца—по верхъ-сорочки болѣе широкій, а сверху его два узкіе. Такъ какъ плахта не обхватываетъ всего тѣла, то спереди подвязывается узкій и короткій передникъ, *попередница*, изъ синей или бѣлой шерстяной ткани, вышитый внизу заполочью. Клѣтчату ю ткань для плахтъ приготавливаютъ особыя мастерицы изъ домашнихъ, окрашенныхъ въ разныя цвѣта, шерстяныхъ нитокъ и вышиваютъ иногда клѣтки разноцвѣтнымъ гарусомъ. Замужнія женщины могутъ носить плахты повседневно, для дѣвушекъ же это считается неприличнымъ, и онѣ носятъ ихъ только по праздникамъ, идя *до церкви и на улицу*. Въ нѣкоторыхъ селахъ средней части уѣзда (с. Дремайловка, с. Заньки) дѣвушки носятъ по праздникамъ цвѣтныя запаски изъ покупнаго фабричнаго краснаго, зеленаго, синяго и голубаго, полусукна.

Поверхъ сорочки лѣтомъ надѣвается *корсетка* (безрукавка), сзади въ талію, съ тремя, пятью, семью и болѣе складками у поясицы отъ вставныхъ клиньевъ, *усы, хвосты*, у дѣвушекъ преимущественно изъ краснаго съ цвѣтами или *горошкового* (съ крапинками) кумача, у женщинъ—изъ простаго или кубоваго ситца темныхъ цвѣтовъ. Въ холодную погоду поверхъ корсетки надѣвается *юпка*. По своему покрою и по матеріалу она похожа на корсетку, но гораздо длиннѣе послѣдней, шьется съ рукавами

и часто на ватѣ. Зимой верхнюю одежду составляютъ *свитки* и *кожушанки*. Свитка тоже, что и юпка, но шьется изъ бѣлаго домашняго толстаго сукна. Кожушанка похожа покроемъ на свитку, шьется изъ бараньяго мѣху и покрывается какою-либо темной матеріей.

Обувью-служать зимою юфтовыя *чоботы*, лѣтомъ такіе-же *черевички*.

Что касается женскаго головного убора, то дѣвушки завязываютъ платокъ на головѣ такъ, что темя остается открытымъ; въ волосы, заплетенные въ одну косу, вплетаютъ разноцвѣтные длинные *косники* (ленты); сверхъ платка, въ праздники надѣваютъ вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, „*матерьянка*“, или изъ живыхъ цвѣтовъ. Замужнія женщины скручиваютъ волосы въ одну прядь, не заплетая, и укладываютъ ихъ подъ *очипокъ* (чепецъ) изъ парчи, кумачу и цвѣтнаго ситца-пике, „*серветяного ситцу*“, на холщевой подкладкѣ—у молодыхъ, и просто изъ двойнаго холста—у пожилыхъ. Поверхъ очипка повязывается платокъ такъ, что очипка не видно. Пойти куда-либо въ одномъ очипѣ безъ платка считается неприличнымъ. Платки покупаются обыкновенно *прохоровскіе*, *бордусовы*, т. е. черные съ цвѣтными полями, *каемками* и *карасировы*, т. е. красные шерстяные. На шею и замужнія женщины и дѣвушки надѣваютъ *намисто*.

Различіе въ женской одеждѣ сѣверной и южной части уѣзда то, что на сѣверѣ носятъ плахты изъ двухъ узкихъ полосъ, а также покушныя, на югѣ исключительно только изъ одного широкаго куска.

Въ женской одеждѣ сохранилось болѣе остатковъ старинной мѣстной одежды, чѣмъ въ мужеской. Хотя рѣдко, но можно еще видѣть [юпку съ пелеринкой изъ зедевой байки, съ нашивными хвостиками изъ краснаго гаруса.] Кое-гдѣ богатыя старухи облакаются зимой въ праздникъ въ длинные до пятокъ *шушуны*, въ родѣ халата, безъ перехвата въ талію, но съ двумя усами на заднихъ боковыхъ швахъ, суконные—лѣтомъ и изъ бараньяго мѣха, обязательно покрытые синимъ сукномъ—зимой, съ пелеринками, покрытыми парчей или желтымъ сукномъ (лѣтомъ),

или мелкимъ чернымъ барашкомъ (зимой), а голову обвязываютъ бѣлой *намиткой* собственнаго издѣлія. Намитка похожа на длинное узкое полотенце изъ тонкой льняной ткани, на подобіе марли; ея обвязываютъ голову такъ, какъ и платкомъ, а длинные концы опускаютъ ниже поясицы, такъ что ихъ развѣваетъ вѣтеръ. Иногда намитка прикалывается къ платку, въ видѣ фаты. Встрѣчаются еще случаи ношенія *сапьяницювъ*, красныхъ сапогъ на высокихъ каблукахъ. Дѣвушки привѣшиваютъ иногда къ наместу *дукачи* (родъ медаліоновъ).

Въ поселеніяхъ, расположенныхъ по почтовому тракту, идущему изъ Чернигова въ Прилуки, въ послѣднее время замѣчается значительное вліяніе городского костюма на сельскій. Запаску и плахту начинаетъ вытѣснять ситцевая *сподница*. На праздничныхъ сподницахъ нашиваютъ для украшенія снизу по нѣсколько широкихъ полосъ темной шерстяной матеріи или чернаго бархату. Вышивки на сорочкахъ тоже измѣнились. Вышиваютъ уже не прямо по полотну, а по канвѣ, красной и черной бумагой. Узоры уже не своего изобрѣтенія, какъ прежде, а заимствованные изъ печатныхъ сборниковъ—крупные цвѣты, бытовья картинки и т. п., въ общемъ выходитъ гораздо грубѣе, чѣмъ прежде.

Настоящее описаніе народной одежды въ нѣжинскомъ уѣздѣ черниговской губерніи составлено на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ теченіе 1890 года.

Н. Стемовой.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЛЕТИКА.

Иванъ Андреевичъ Полетика былъ сыномъ бунчуковаго товарища лубенскаго полка и младшимъ братомъ Григорія Андр., котораго біографія напечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 г. ¹⁾. Онъ родился въ г. Ромнахъ въ 1726 г. и былъ годомъ моложе брата; первоначальное образованіе получилъ въ кіевской академіи, но, желая изучать медицину, поѣхалъ по окончаніи курса, на средства своего отца, за границу и поступилъ въ медицинскую академію г. Киля въ Голштиніи. Тамъ онъ пробылъ 4 года; въ 1750 году пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ принять его въ с. петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (нынѣшняя клиника при медицинской академіи). 31 декабря 1750 г. онъ былъ принятъ туда подлѣкаремъ и въ госпитальной школѣ слушалъ лекціи профессоровъ Шрейбера, фонъ-Меллена и Унгебауера. Не прошло года, какъ онъ снова поѣхалъ за границу и продолжалъ учиться сначала въ Кильской академіи, а потомъ въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ медицинскій факультетъ пользовался высокой репутаціей, потому что въ немъ читалъ лекціи знаменитый, но въ то время уже умершій, докторъ Бургаавъ (Boerhaav).—Здѣсь въ 1754 г., 27 іюня, онъ получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ и защитивъ диссертацию о наследственныхъ болѣзняхъ (De morbis haereditariis).

Замѣтимъ здѣсь, что въ одно время съ нимъ, но по другому факультету, слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ его двоюродный братъ Григ. Иван. Полетика, бывшій впоследствии долгое время совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ

¹⁾ № 4, стр. 97—116.

въ царствованіе императора Іосифа II. Въ этомъ видѣнъ характеръ временъ Петра Великаго, заставлявшій любознательныхъ и достаточныхъ людей искать высшаго образованія за границей. Для способныхъ малороссіянь это было не очень трудно, потому что въ Кіевской академіи хорошо преподавались классическіе языки, особенно необходимые въ то время для изученія наукъ.—Прибавимъ еще, что духовные лица и медики почитались въ малороссійскомъ обществѣ такимъ же уваженіемъ, какъ и казацкія старшины.

Получивъ дипломъ, И. А. Полетика отправился опять въ Кіиль, и въ томъ же 1754 году тамошняа медицинская академія избрала его въ свои профессора; избраніе это было утверждено герцогомъ шлезвигъ-голштейнскимъ и наслѣдникомъ русскаго престола Петромъ Феодоровичемъ (впослѣдствіи императоромъ Петромъ III). И такъ, Полетикѣ досталась честь первому изъ русскихъ быть профессоромъ въ нѣмецкой академіи.

Два года занималъ онъ профессорскую кафедру, но, соскучившись по родинѣ, исходатайствовалъ себѣ увольненіе, возвратился въ 1756 г. въ Петербургъ и просилъ медицинскую канцелярію о разрѣшеніи ему частной практики и объ опредѣленіи опять въ главный сухопутный госпиталь. Для дозволенія практики закономъ требовался особый экзаменъ въ Россіи, но такъ какъ Полетика имѣлъ уже докторскій дипломъ и званіе профессора, то бывшій тогда архіатеромъ (т. е. директоромъ медицинской канцеляріи) Павелъ Захаровичъ Кондоиди придумалъ устроить въ медицинской канцеляріи ученый разговоръ съ нимъ о медицинѣ и ея частяхъ, который должны были вести профессоръ Шрейберъ и докторъ морскаго флота Синопеусъ въ присутствіи самого Кондоиди.

Разговоръ происходилъ 11 сентября 1756 г., послѣ чего тотчасъ же подписанъ былъ одобрителный аттестатъ съ разрѣшеніемъ практики въ имперіи и съ назначеніемъ младшимъ докторомъ въ тотъ же сухопутный госпиталь. На этомъ мѣстѣ онъ не оставался и трехъ недѣль. Тогда началось участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ, и старшій докторъ госпиталя Унгебауеръ назначенъ былъ 30 сентября генераль-штабъ-докторомъ

въ армію генераль-фельдмаршала графа Апраксина, а на вакантное мѣсто старшимъ докторомъ опредѣленъ Полетика. Такимъ образомъ онъ опять первымъ изъ русскихъ получилъ въ управленіе большой госпиталь. Онъ тогда только что достигъ 30-лѣтняго возраста.

На этомъ мѣстѣ Иванъ Андр. оставался съ небольшимъ три года. По словамъ проф. Чистовича ¹⁾, въ клиникѣ до настоящаго времени (1883 г.) существуютъ два памятника заботливости его о госпиталѣ, а именно: по его старанію построены были 7 деревянныхъ барачныхъ корпусовъ во 2 отдѣленіи госпиталя, занятые больными въ концѣ 1759 г., и разведенъ въ 1758 г. ботаническій садъ съ большимъ прудомъ и теплицами, который остается и нынѣ между медико-хирургической академіей, клиникой и больницею Вилье. Онъ управлялъ госпиталемъ согласно съ правилами Высочайше утвержденнаго въ 1735 г. регламента, т. е. совмѣщаль въ себѣ все управленіе. Это соотвѣтствовало его личному характеру, но вмѣстѣ съ тѣмъ подерживало и питало его недостатки. Онъ былъ крайне самолюбивъ, вспыльчивъ и упрямъ, и на первыхъ же порахъ поссорился съ военнымъ инспекторомъ госпиталя, генераль-лейтенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ; это вызвало непріятную переписку между военной коллегіей и медицинскою канцеляріей, свидѣтельствующую, что генераль былъ неправъ, но что и Полетика не имѣлъ способности мирнымъ образомъ улаживать встрѣчающіяся затрудненія и препятствія,—поэтому, онъ трудно уживался и съ ближайшими своими сослуживцами. Помощникомъ ему въ управленіи былъ главный лекаръ Степанъ Венечанскій, такой же упрямый и непокорный въ правотѣ своей малороссъ; ссоры между ними были чуть не ежедневныя и явно нарушали ходъ дѣлъ въ госпиталѣ. Онѣ доходили до архіатера, и Кондоиди не разъ мирилъ ихъ, но наконецъ убѣдился, что эти два человѣка не могутъ уживаться на одномъ мѣстѣ. Кондоиди жалѣлъ Полетика, какъ ученаго, и способнаго профессора въ госпитальной школѣ, однакожъ вынужденъ былъ дать ему

¹⁾ См. Исторію медицинскихъ школъ въ Россіи, приложение, стр. ССLIX.

другое назначеніе. Постановленіемъ медицинской канцеляріи отъ 31 дек. 1759 г. онъ былъ переведенъ докторомъ въ с. петербургскую дивизию генераль-аншефа Ал. Ив. Шувалова.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ И. А. Полетика женился на воспитанницѣ П. З. Кондоиди, турчанкѣ, попавшей въ плѣнъ ребенкомъ при взятіи фельдмаршаломъ Минихомъ Очакова въ 1739 г. Она была разрознена съ своимъ семействомъ, и потому взята на воспитаніе Кондоиди, занимавшимъ въ то время должность генераль-штабъ-доктора при арміи Миниха. Лѣтомъ 1761 г. Полетика въ первый разъ могъ получить отпускъ на четыре мѣсяца и поѣхалъ съ женою въ Ромны, гдѣ былъ его отецъ. При этомъ медицинская канцелярія поручила ему набрать изъ кievской академіи и малороссійскихъ коллегій до 50, а если можно то и до 100 студентовъ для госпитальныхъ школъ, обѣщая студентамъ по 10 руб. для проѣзда до Москвы и Петербурга. Полетика исполнилъ это порученіе, набравши 55 учениковъ, а въ благодарность за это съ него не вычли жалованья за все время отпуска.

Вѣроятно вслѣдствіе этой поѣздки онъ успѣлъ хорошо познакомиться съ положеніемъ карантинныхъ, устроенныхъ въ то время въ Малороссіи, и съ условіями медицинской службы на нихъ. Послѣ войны фельдмаршаловъ Миниха и Ласси съ турками, въ южной Россіи стала появляться чума, потребовавшая большаго распространенія карантинныхъ заставъ на турецкой и польской границахъ. Въ Малороссіи было шесть карантинныхъ, изъ которыхъ главный былъ въ г. Васильевѣ, гдѣ жилъ карантинный докторъ. Польская граница проходила тогда у самаго этого города, который поэтому и назывался форпостомъ. Содержаніе карантина назначалось изъ кievской губернской канцеляріи, а карантинный домъ, существовавшій съ 1740 г., отдавался на откупъ частнымъ лицамъ. За постой въ карантинѣ бралось съ каждаго человѣка по копейкѣ въ сутки, а съ вола или лошади по одной деньгѣ. При заставѣ находилась военная и таможенная стража.

Кондоиди умеръ въ 1760 г., и медицинской канцеляріею началъ управлять бывшій его помощникъ докторъ Лерхе, не

любившій всѣхъ русскихъ и въ особенности Полетику, какъ ученаго и правдиваго человѣка. Къ концу 1763 г. очистилась ваканція карантиннаго доктора въ Васильковѣ, и Полетика сталъ проситься на это мѣсто, что и было охотно исполнено докторомъ Лерхе, желавшимъ удалить его изъ Петербурга. Въ то же время произошла реформа въ русскомъ медицинскомъ управленіи. Указомъ императрицы Екатерины II отъ 12 ноября 1763 г. учреждена медицинская коллегія, по образцу коллегій, существовавшихъ по другимъ частямъ администраціи; прежняя канцелярія пресоединена къ коллегіи въ видѣ 2-го хозяйственнаго ея департамента. Президентомъ коллегіи назначенъ баронъ Ал. Ив. Черкасовъ, выбранный императрицею по его отличному образованію и по знакомству съ медицинскими науками.

Въ ноябрѣ 1763 г. Полетика выѣхалъ изъ Петербурга и только въ мартѣ слѣдующаго года принялъ на себя управленіе карантиномъ. Немедленно послѣ того у него начался споръ съ откупщикомъ о способахъ очищенія товаровъ. Докторъ говорилъ, что на основаніи карантинной инструкціи, утвержденной сенатомъ 22 февраля 1755 г., товары должно провѣтривать и для того, въ случаѣ надобности, распаковывать и развѣшивать на воздухѣ; откупщикъ и чиновники настаивали на томъ, что нужно довольствоваться прикладываніемъ печатей къ каждому мѣсту, не распаковывая его, чтобы не терялся таможенный сборъ. Такъ какъ прикладываніе печатей не содѣйствовало очищенію товаровъ, то докторъ настоялъ на точномъ исполненіи инструкціи, что возбудило противъ него чрезвычайную злобу. Плодами этой злобы были жалобы генераль-губернатору Глѣбову, а также то, что въ октябрѣ 1764 г. барону Черкасову предъявлено было неизвѣстно кѣмъ частное письмо изъ Кіева, въ которомъ Полетика обвинялся во взяткахъ съ проѣзжающихъ черезъ заставу воевъ. Черкасовъ просилъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ отъ генераль-губернатора; по сообщенію генерала Глѣбова, дѣло о взяткахъ состояло въ слѣдующемъ:

24 іюня 1764 г. черезъ таможену проѣхало нѣсколько крестьянъ изъ польскаго села Харлѣвки съ 37 воловыми подво-

дами съ солью, и съ нихъ взято карантинщикомъ Зефиромъ Афанасьевымъ денегъ три руб. и соли по 20 ступокъ съ каждаго воза; караульными солдатами взято съ каждаго воза по три ступки соли, и докторскимъ писаремъ Михайломъ Усковымъ на имя доктора съ каждаго воза по 15 ступокъ соли и по 12 коп. деньгами. Полетики не было дома, когда была взята взятка; узнавъ о ней, онъ, по совѣту Глѣбова, приказаль Ускову возвратить мужикамъ соль и деньги; однакожь мужики отказались взять то и другое, такъ какъ поборъ уже вошелъ въ обычай. Тогда соль (на 1 руб. 14 коп. по тогдашнимъ цѣнамъ) была оставлена Ускову, а на деньги 4 руб. 44 коп. куплены бумага, сургучъ и перья. Послѣ производства изслѣдованія, сознавшіеся во взяткахъ люди подвержены были строгимъ наказаніямъ, а изъ объясненій Полетики оказывалось, что по заведенному предмѣстниками его правилу собираемо было съ каждаго проѣзжающаго воза на канцелярскіе расходы по 3 коп. и что онъ прекратилъ этотъ сборъ въ исполненіе указа объ этомъ Кіевской губернской канцеляріи отъ 17 мая 1764 г., „только писаря, какъ видно, вдругъ отучить было невозможно“.—

Опасаясь за исходъ этого дѣла и зная, что въ медицинскомъ управленіи у него болѣе враговъ, нежели друзей, Полетика самъ пріѣхалъ въ январѣ 1766 г. въ Петербургъ и далъ въ медицинской коллегіи подробныя письменныя объясненія о сборахъ и злоупотребленіяхъ въ Васильковскомъ карантинѣ.— Коллегія постановила, что она совершенно оправдываетъ его, но подозрѣнія барона Черкасова не разсѣялись, и онъ на это постановленіе не согласился, а предполагалъ Полетику, въ видѣ штрафа, назначить докторомъ въ Сибирскій корпусъ. Въ этомъ смыслѣ было составлено постановленіе, но члены коллегіи его не подписали.

Споръ этотъ грозилъ затянуться на долгое время, между тѣмъ Ив. Андр. проживался въ Петербургѣ, не получая жалованья. Чтобы выйти изъ этого тягостнаго положенія, онъ рѣшился на отчаянную мѣру и подалъ прошеніе въ кабинетъ императрицы черезъ члена кабинета д. с. с. Ивана Перфильевича Елагина. Затѣмъ онъ подалъ въ медицинскую коллегію

протестъ, обвиняя барона Черкасова въ пристрастіи и прося устранить его отъ разсмотрѣнія его дѣла. Коллегія, съ согласія президента, рѣшила представить императрицѣ экстрактъ изъ дѣла со своимъ мнѣніемъ. Тоже сдѣлалъ съ своей стороны и баронъ Черкасовъ. На донесеніи коллегіи императрица написала собственноручно: „когда дѣло идетъ о чести человѣка обвиняемаго, то ничего пропускать не надобно къ изысканію правды, и для того быть по мнѣнію коллежскому. Екатерина.“

Вслѣдствіе этого медицинская коллегія постановила 25 января 1767 г., чтобы Полетика возвратился на свое мѣсто, къ карантину; но ему этого было мало; ему нужно было выхлопотать невыданное жалованье за все время производства о немъ дѣла въ медицинской коллегіи. Для этого необходимо было ѣхать въ Москву, гдѣ былъ дворъ, и ожидать рѣшенія императрицы по его прошенію. 23 апрѣля 1767 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ медицинской коллегіи, которымъ повелѣно доктора Полетику, „яко оказавшагося по учиненному надъ нимъ слѣдствію во взяткахъ невиннымъ, по прежнему докторомъ карантиннымъ въ Васильевскомъ форпостѣ опредѣлить и удержанное у него за тринадцать мѣсяцевъ жалованье выдать сполна изъ суммы коллегіи медицинской“.

Остальное время своей жизни И. А. Полетика провелъ въ Васильковѣ. Въ 1773 г. умеръ его отецъ, оставивъ на его долю помѣстья въ роменскомъ повѣтѣ, и преимущественно въ селѣ Коровинцахъ, съ 212 душами мужескаго и 192 душами женскаго пола. Женильба безъ приданаго и спеціально ученая карьера не дали ему возможности увеличить свое имущество, и онъ умеръ въ Васильковѣ 22 апрѣля 1783 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника, оставивъ жену съ многочисленнымъ и недостаточно обеспеченнымъ семействомъ. Сыновья его воспитывались въ недавно передъ тѣмъ основанныхъ въ Петербургѣ корпусахъ: артиллерійскомъ, кадетскомъ и пажескомъ; двое изъ нихъ, Михайль и Петръ, достигли въ послѣдствіи высокаго положенія на государственной службѣ; а одна изъ дочерей, Екатерина, окончивъ воспитаніе въ Смольномъ институтѣ, назначена была флейлиной къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и провела весь долгій вѣкъ въ зимнемъ и Таврическомъ дворцахъ.